

С.А. Голубев

ВСЕ НОРМАННЫ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В XI В.

Между Скандинавией и Гардарикой

В поисках утраченного наследия

Сергей Голубев

**Все норманны в Восточной
Европе в XI веке. Между
Скандинавией и Гардарикой**

«ВЕЧЕ»

2022

Голубев С. А.

Все норманны в Восточной Европе в XI веке. Между Скандинавией и Гардарикой / С. А. Голубев — «ВЕЧЕ», 2022 — (В поисках утраченного наследия)

ISBN 978-5-4484-8753-8

Книга представляет сохранившиеся сведения о норманнах или наполовину норманнах в Восточной Европе в XI в. и идейно продолжает аналогичную работу, в которой собраны материалы, охватывающие IX—X вв. Читатель встретит здесь множество исторических личностей, о которых никогда ранее не слышал, а также с удивлением узнает о норманнском происхождении ряда персонажей, хорошо известных по летописям и другим источникам. Образно говоря, политические и культурные контакты Скандинавии с Гардарикой в те времена напоминали улицу с двусторонним движением. Известны многочисленные случаи, когда норманны становились в Восточной Европе князьями, а выходцы из Восточной Европы достигали в Скандинавии ранга конунгов, занимая достойное место в ее истории.

ISBN 978-5-4484-8753-8

© Голубев С. А., 2022

© ВЕЧЕ, 2022

Содержание

Глава 1. Особенности быта и социального устройства скандинавского общества в X–XI вв.	6
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сергей Голубев
Все норманны в Восточной Европе в XI
веке. Между Скандинавией и Гардарикой

© Голубев С. А., 2022

© ООО «Издательство «Вече», 2022

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2022

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Глава 1. Особенности быта и социального устройства скандинавского общества в X–XI вв.

Различные области, в которых проживают скандинавы, довольно сильно отличаются по климату и почве, а следовательно, по техническим приемам в земледелии и скотоводстве. Из-за обилия осадков и короткого вегетационного периода в качестве сельскохозяйственных культур подходят только относительно быстро созревающие сорта злаковых. В «эпоху викингов» здесь предпочитали сеять в первую очередь овес и ячмень. Отсутствовало просо – типовая культура для хозяйств Средней Европы. Все большее значение начинала играть рожь, а пшеница получила распространение только в южных районах.

Чем дальше на север, тем все большую роль начинало играть скотоводство, хотя зерновые можно было выращивать даже в Исландии. В южных районах, особенно в Дании, хозяйства были сгруппированы в настоящие деревни, с системой чересполосицы и общих выгонов. На севере преобладали большие дворы хуторского типа, с населением 20–30 человек. Здесь доминировало скотоводство: стойловое содержание зимой и выпас на луговых пастбищах летом. Чтобы иметь свои собственные выгоны, хозяйства должны были быть расположены, по возможности, дальше друг от друга¹.

Из домашних животных в усадьбе обычно имелись лошади, свиньи, овцы, крупный рогатый скот. Разводили также кур, гусей и уток. Замеры костей показали, что домашние животные были значительно мельче, чем теперь. Охота на лесного и морского зверя применялась, но служила лишь вспомогательным источником пищи².

В числе главных продуктов питания была рыба: ловля трески и сельди всегда являлась одним из основных занятий населения приморских областей. Рыбу запасали впрок, вялили, солили и коптили. Пищу запивали большим количеством пива, часто зерно употребляли именно для изготовления горячительных напитков, а не для выпечки хлеба³.

Источники, рассказывающие об «эпохе викингов», не дают нам ясной картины норманнского общества. Мы располагаем лишь отрывочными сведениями, на основании которых приходится формировать более или менее целостное впечатление⁴. Предполагается, что в это время Скандинавия находилась на полпути между родовым строем и феодализмом, периодом так называемой военной демократии.

Жители соседних районов, принадлежавшие к одному племени, вынуждены были сотрудничать с соседями для совместной защиты от вражеских нападений и контроля за соблюдением правил общественного порядка. Время от времени все они собирались на областное народное собрание – тинг.

На тинге обсуждались наиболее важные дела, имевшие всеобщий интерес. Когда собрание посещал местный правитель, конунг или ярл, с ним от имени и при поддержке присутствующих говорили знатные люди (хёвдинги) или лучшие из бондов. На тинг мужчины являлись вооруженными, а принимая решение, в знак одобрения потрясали своим оружием. В каждом районе (хераде, т. е. сотне), пределы которого обычно устанавливались природой, будь то отдельная долина, фьорд или часть побережья, также существовал свой собственный маленький тинг. Языческие святилища были общими для территорий, размерами сопоставимыми с областью.

---

¹ Симпсон Ж. Викинги. Быт, религия, культура. М., 2005. С. 51.

² Гуревич А.Я. Походы викингов. М., 1966. С. 14.

³ Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 134.

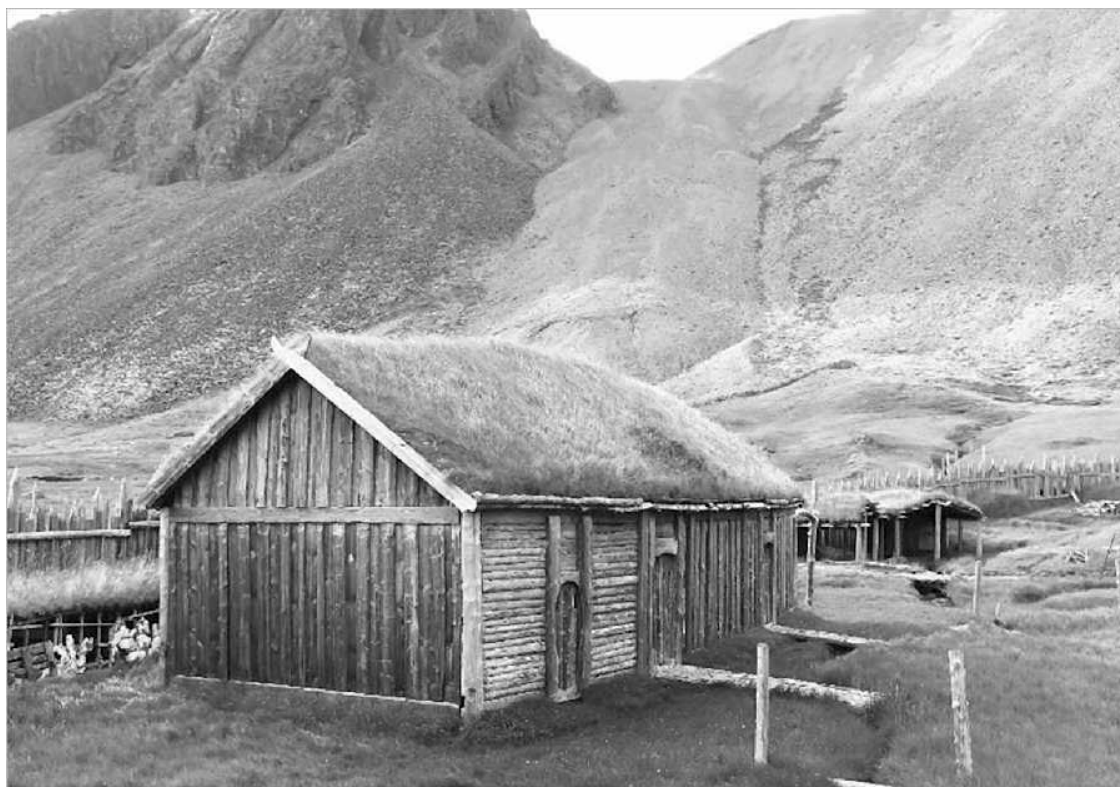
⁴ Роэсдаль Э. Мир викингов. Викинги дома и за рубежом. СПб., 2001. С. 31.

Традиционно считается, что основных социальных групп у норманнов было три.

1. Знать (тигнарманы). Таковыми являлись:

- конунги;
- ярлы (изначально ранг конунгов или малых конунгов, по мере укрепления центральной власти ставшие вассалами короля);
- хёвдинги, лидеры местных племенных объединений: района (херада), иногда области (фюлька), из их числа выбирались херсиры, предводители войскового ополчения;
- годи, жрецы годорда, крупной религиозной структуры на базе херадов, не всегда совпадающей в границах с областью, часто верховные судьи районов (херадов), их роль при королях постепенно снижалась;
- лендерманы, достаточно поздний титул; вассалы в структуре королевской власти, ответственные за сбор податей на местах и организацию ополчения; командовали флотилиями кораблей.

Родовая знать не представляла класса крупных землевладельцев, который в ту пору интенсивно развивался в Европе. Земля здесь еще не успела стать главным богатством. Основой могущества тигнарманов было как раз движимое имущество: скот, рабы, оружие, драгоценности, корабли – все то, чем они могли одаривать дружинников и приближенных.

Средневековый скандинавский хутор. Современная реконструкция

До нас дошли сведения о людях, которые по своему социальному положению находились где-то между бондами и знатью. Их называли «хаулдр», «тегн», «ландман» и т. д. Точное значение и принадлежность этих и многих других дефиниций вызывают сегодня споры⁵.

2. Свободные (карлы). Сюда входили:

- отигнир (близкие родственники ярлов и конунгов);
- дружинники (хирдманы или хускарлы);

---

⁵ Роэсдаль Э. Мир викингов. Викинги дома и за рубежом. СПб., 2001. С. 31.

- лагманы (толкователи законов страны и отдельных областей);
- бонды (землевладельцы), имевшие собственный одалъ (надел);
- дроты (жрецы низкого ранга);
- торговцы (фарманы);
- ремесленники (собственный отдельный термин для их обозначения не сохранился);
- свободные служители (хускарлы);
- отпущенники (фралскерлы);
- бедняки (стабкерлы).

Свободные люди составляли основу общества. Они имели право носить оружие и находиться под защитой закона, а также быть заслушанными на тинге. Большая часть свободных людей занималась сельским хозяйством, которое почти повсеместно являлось основным источником доходов. Большинство усадеб управлялось самим владельцем. Но если население большей части Европы того времени состояло преимущественно из крестьян, то скандинавские бонды, как правило, были не только землепашцами, но также скотоводами, рыболовами и охотниками в одном лице.

3. Рабы (трели). Они делились на:

- бритов, старших рабов и надзирателей;
- фостре, рабов по рождению;
- даровых или добровольных рабов (гиафтлэрар).

У рабов не могло быть никакой недвижимости. Они должны были быть коротко подстрижены, носить плохую, неброскую одежду. Свободный человек всегда имел возможность с одного взгляда определить, раб этот человек или нет. Уделом рабов в Скандинавии было плохое питание и самый тяжелый и грязный труд: постройка деревянных строений, земляные работы, выпас домашних животных, уборка хлева и т. д.

Обращаем ваше особое внимание на существование еще одной, четвертой социальной группы, которую довольно часто забывают.

4. Находящиеся вне закона. К ним можно отнести:

- изгнанников (по решению тинга или конунга);
- ушедших в вик (занимающихся грабительскими походами);
- прочих людей (живущих за пределами Скандинавии).

Изгнанники не могли пользоваться правами свободного человека. По прошествии определенного срока их можно было безнаказанно ограбить, убить или обратить в раба. Но и они порой также вели себя совершенно разнузданно, разоряли чужие дома и отнимали жизни. К людям «вне закона» относились также добровольно ушедшие в вик (ставшие пиратами). При этом они могли даже иметь собственную иерархию и лидеров (например, морских конунгов). Согласно мнению Ф. Аскеберга предполагается, что слово «викинг» происходит от глагола *víkja* – уходить в сторону, сворачивать. То есть оно означает человека, свернувшего с традиционного жизненного пути⁶.

Адам Бременский в свое время очень удивлялся способности викингов пренебрегать жизнями и свободой других норманнов, запросто обращая их в рабов и продавая на невольничьих рынках. «Сами же пираты, которые там называются викингами, а у нас аскоманнами, платят дань датскому королю, за что тот позволяет им грабить варваров, в изобилии проживающих вокруг этого моря. Поэтому и вышло, что разрешение, которое им дали против врагов, они часто используют против своих. Они настолько не доверяют друг другу, что если один пират схватит другого, то сразу же без всякой жалости продает его в рабство – то ли своим товарищам, то ли варварам»⁷.

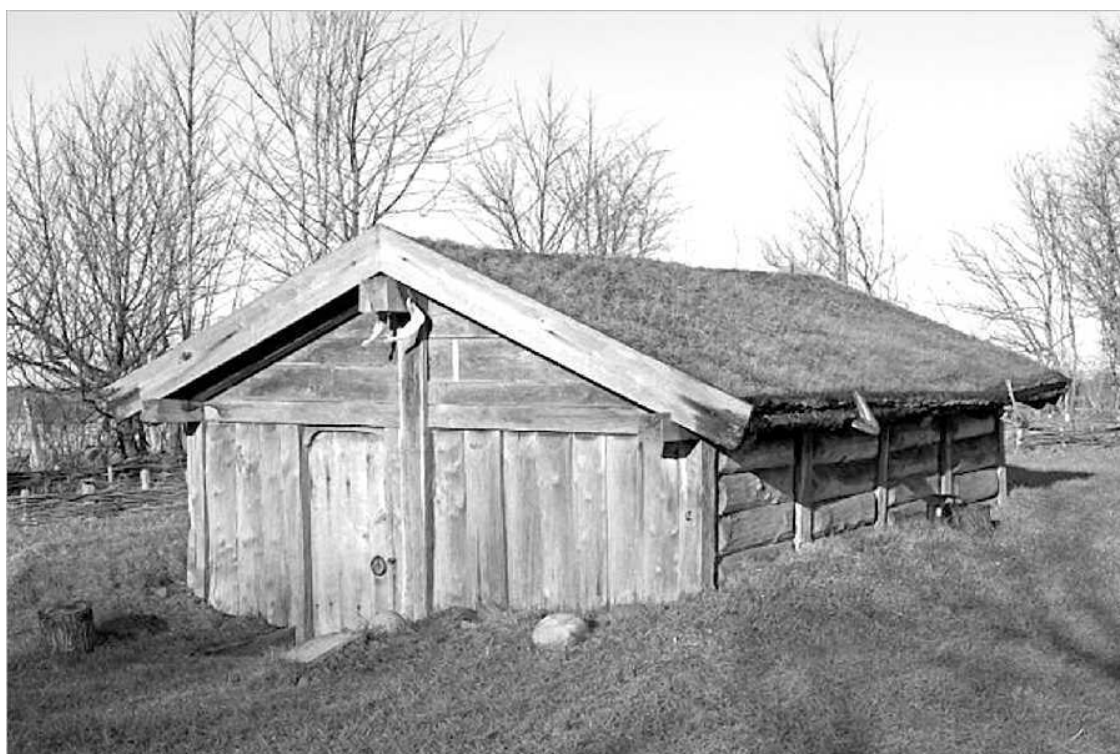
⁶ Askeberg F. Norden och Kontinent. Uppsala, 1944.

⁷ Адам Бременский. Деяния архиепископов Гамбургской церкви. Кн. IV, 6 // Адам Бременский, Гельмольд из Босау,

Четвертая группа – «находящихся вне закона» – на самом деле очень многочисленная, поскольку, с точки зрения местного права, сюда же относились все люди, проживающие за пределами норманнского мира.

Брак в Скандинавии являлся своего рода соглашением, в котором участвовали не столько будущие супруги, сколько их семьи в расширенном составе, т. н. «ближний круг», и где на первом месте стояли соображения целесообразности и взаимной пользы. В результате предполагаемые жених и невеста чаще всего не испытывали друг к другу откровенной неприязни, но и любовь как основа для брака во внимание практически не принималась. Более того, брак по любви порицается в сагах как безрассудный. Следуя местной логике, любовь между мужчиной и женщиной должна появиться непосредственно в браке, быть его результатом как глубокая привязанность и верность супругов⁸.

Скандинавская хозяйственная постройка. *Современная реконструкция*

Разбор тяжбы на тинге ничуть не напоминал сегодняшнюю процедуру судебного дела. Система опроса свидетелей и сбор доказательств были в то время еще на довольно низком уровне. Каждая из сторон представляла своих свидетелей, которые, однако, не были свидетелями в сегодняшнем понимании этого слова. Это были просто люди, которые готовы были поклясться, что сторона, которую они представляют, говорит правду. И чем больше таких людей могла представить одна из сторон, тем большая вероятность была выигрыша всего дела. На практике данная процедура становилась чем-то вроде предварительной проверки сил перед прямой вооруженной схваткой двух противостоящих семейств, тем более что на тинге они появлялись с толпой своих сторонников и при оружии. Часто все заканчивалось тем, что судьи попросту разбежались, так и не приняв никакого решения.

Основу усадеб «эпохи викингов», как и в предшествующий вендельский период, продолжают составлять длинные дома (~50 × 10 м²), столбовой каркасной конструкции с двускат-

---

Ариольд Любекский. Славянские хроники. М., 2011. С. 101.

⁸ Сванидзе А.А. Викинги – люди саги: быт и нравы. М., 2014. С. 222.

ной кровлей, обитые досками внахлест, с завалинками снаружи или внутри, жилым помещением с очагом в центре и стойлами для скота по краям. Нужник часто располагался в пределах дома, что было вовсе не данью ленности его хозяев, а следствием реальной опасности, которой могли подвергнуться его обитатели, рискнувшие выйти во двор в ночное время.

Постепенно длинные дома все-таки стали развиваться в более прогрессивные, с отдельными комнатами для скота по торцам здания. Позднее – вовсе без хлева и нужника под одной крышей с основным жильем. Способы домостроительства в целом уступают восточноевропейским, впрочем, и сами скандинавы свои дома особо не ценили, стоимостью обладала только земля под ними.

Славянский тип срубного дома оказал некоторое влияние на местную строительную традицию. В качестве примеров можно назвать поселение Экеторп III, сезонную торговую стоянку в Лёддечёпинге близ Мальмё и др.⁹

Совсем иное дело корабли, которые можно назвать лучшими творениями рук местных мастеров. В целом они были достаточно небольшие, на 12–20 пар весел, и несколько уступали своими размерами восточноевропейским судам. Поздние саги говорят о существовании довольно больших кораблей, но на сегодня найдены только те, что рассчитаны на 20–30 человек. Тем не менее они имеют довольно любопытные особенности, весьма полезные при совершении набегов.

Прежде всего стоит отметить, что корабли викингов отличались относительно неглубокой осадкой, позволяющей не только плавать по морю, но также и довольно далеко заплывать в узкие фьорды и неглубокие прибрежные реки, появляясь там, где их совсем не ждали. Корабли имели одинаковые по форме нос и корму и два руля спереди и сзади, тем самым, в принципе избегая необходимости тратить время на разворот судна. Предполагается, что с помощью небольших манипуляций с рангоутом прямоугольный парус мог складываться, принимая треугольную форму, позволяющую, гальсируя, плыть практически против ветра.

Особым свойством корабля было разнообразное в зависимости от высоты крепление клинкерной обшивки, представляющей собой наборные деревянные пластины разной толщины, посаженные внахлест друг на друга (образуя своеобразную чешую).

«В большинстве поясов толщина планок не превышает дюйма, однако десятый пояс, находившийся у ватерлинии, и четырнадцатый, в который вделаны уключины, были немного толще, что позволяло этим планкам выдерживать дополнительную нагрузку. Планшир был очень мощным. Все пазы и стыки заделаны шнурами, слабо сплетенными из щетины и шерсти [и вымазанными в смоле. – *Авт.*]. Внутреннюю структуру корабля образовывали 19 шпангоутов, находившихся на расстоянии около метра друг от друга, на которых лежали поперечные балки. Под ватерлинией обшивка корабля была не прибита, а привязана к этим балкам»¹⁰.

«Ниже ватерлинии пояса обшивки подвижно прикреплялись к шпангоутам “канатами” из еловых корней. Доски вырезались так, чтобы оставить с внутренней стороны, где находились шпангоуты, шпунты; в этих шпунтах, как и в шпангоутах, проделывались соответствующие отверстия, сквозь которые пропускались “канаты”. Такой метод крепежа обшивки к шпангоутам, по-видимому, был на севере традиционным и использовался при строительстве большинства скандинавских кораблей эпохи викингов. Его преимущество состояло в том, что корпус можно было сделать одновременно легким и упругим»¹¹.

Приведенное конструктивное решение делало обшивку корабля ниже ватерлинии довольно восприимчивой к морским волнам, однако же гасящей их давление при сохранении

---

⁹ Ohlsson T. The Loddekoping Investigation I. The Settlement at Vikhogsvagen. 1976. P. 59; Meddelanden från Lunds universitets historiska museum 1969–1970. Lund, 1971. S. 192–265.

¹⁰ Симпсон Ж. Викинги. Быт, религия, культура. СПб. С. 86.

¹¹ Сойер П. Эпоха викингов. М., 2006. С. 42.

относительной водонепроницаемости. Обладая теперь хорошей штормовой устойчивостью, скандинавские суда довольно уверенно бороздили морские просторы, заплывая на, казалось бы, совершенно немыслимые для них расстояния.

Помещаемое на бушприт изображение морды дракона находилось здесь вовсе не для устрашения потенциального противника, как это кто-то может подумать. Согласно древним верованиям, отправляясь в плавание по морю, корабль попадал во владения гигантского морского змея Ёрмунганда, которого можно и нужно было попытаться удержать от нападения на людей, замаскировав корабль под такого же змея. По закону изображение нужно было снимать при приближении к берегу, дабы не испугать добрых духов земли.

Сцены пахоты на гобелене из Байё. Конец XI в.

Довольно любопытно было бы сравнить скандинавские и русские суда соответствующего периода, чтобы понять, почему в свое время в Восточной Европе отказались от заимствования конструкции кораблей викингов. Славяне в это время не строили специальных военных кораблей, поэтому сравнивать будем скандинавский кнорр и русскую морскую ладью.

Кнорр во многом схож с драккаром, только, в отличие от него, предназначался для перевозки припасов, снаряжения и лошадей, а потому был более коротким и широким. У ладьи (как набойной, так и морской) в основе использовалась цельная колода (долбленая ладья), в то время как у кнорра применялся Т-образный киль из единого бревна и плоское дно из соединенных встык досок. Таким образом, ограничением по размеру и там и там служила величина цельного дерева, используемого для киля (у норманнов) или для основы (у русинов). Русская ладья длиннее и шире, поэтому имела лучшую вместимость (примерное соотношение: кнорр – 15 × 4,5 м; ладья – 25 × 8 м; драккар – 20 × 2,5 м). Согласно русским летописям в ладьях помещалось по 40–60 человек (либо 8–10 человек и столько же лошадей).

Дабы уменьшить заливаемость судна волнами, на кноррах (и драккарах) был дополнительно надстроен фальшборт. На русских ладьях (кроме морских ладей) фальшборта не было. Паруса ладей были более легкие льняные, позволявшие ловить небольшой ветер даже на реке, окруженной лесом. Парус кнорра был соткан из шерсти и смазан жиром, более тяжелый, но лучше сопротивлявшийся брызгам соленой воды. Впрочем, имеются сведения о существовании скандинавских парусов из крапивы.

Борта ладьи и кнорра обшивались одинаково, клинкерным способом (доски внахлест). Для крепления использовались железные скобы, иногда деревянные гвозди. Как уже было отмечено, обшивка кнорра (и драккара) ниже ватерлинии оставались довольно гибкой, что давало ему преимущество над ладьей от опрокидывания. Однако такое судно не выдержало бы перетаскивания по волоку или в обход порогов, с чем часто приходилось сталкивался любому путешественнику по рекам в Восточной Европе. Известно, что, направляясь в Новгород, скандинавы оставляли свои корабли в Ладогe и далее следовали уже на конях, объезжая волховские пороги стороной¹². Кроме того, кнорры (и драккары) требовали непрерывного вычерпывания просочившейся морской воды, а следовательно, не могли иметь сплошной палубы, что было неприемлемо при перевозке дорогих товаров. Впоследствии от такой конструкции судов в самих скандинавских странах отказались.

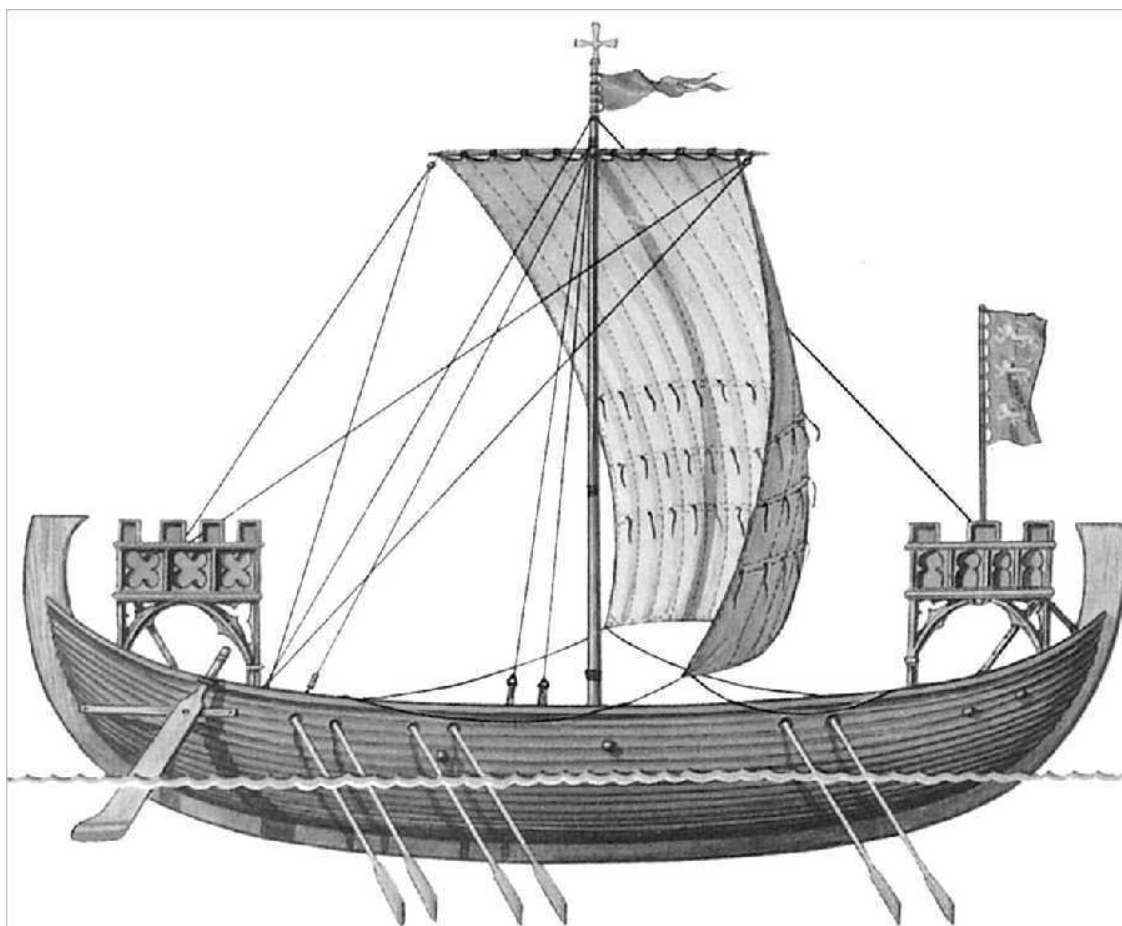
¹² Сага об оркнейцах // *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). М., 1993. С. 227.

Согласно ст. 79 Русской Правды пространной редакции (Троицкий список¹³), штраф за кражу лады (долбленной основы) составлял 1,2 гривны (1 гривна = 1 марка = 204 гр. серебра), набойной лады – 2 гривны, морской лады (с фальшбортом и морским такелажем) – 3 гривны.

В работах историков точных цифр по кнорру обнаружить не удалось, но поскольку он был меньше морской лады почти в три раза, то и стоять мог соответственно, примерно 1 гривну (= 1 марку).

С началом «эпохи викингов» звериный стиль в изобразительном искусстве Скандинавии претерпел существенные изменения. Характерной чертой нового стиля «Е» стали сильно вытянутые, почти лентообразные изображения животных и птиц с небольшими, повернутыми в профиль головами и крупными глазами. У них извивающиеся тела, равномерно расширяющиеся и изогнутые конечности, которые связаны с телом открытыми петлями с нитеобразной перевязью¹⁴.

Возникший из предшествующего искусства вендельского периода, сначала стиль «Е» пережил определенный упадок. Хотя он и представлял собою дальнейшее развитие разновидностей звериных стилей «А – Д», довольно часто это полная безвкусица, с непродуманной структурой рисунка, отягощенная множеством ненужных деталей. Такое ощущение, что за создание произведений искусства разом взялись все кому не лень, а не только те, у кого были к этому определенные способности.

Кнорр. Современная реконструкция

¹³ Русская Правда. Т. I. М.—Л., 1940. С. 113.

¹⁴ Розсдаль Э. Мир викингов. Викинги дома и за рубежом. СПб., 2001. С. 105.

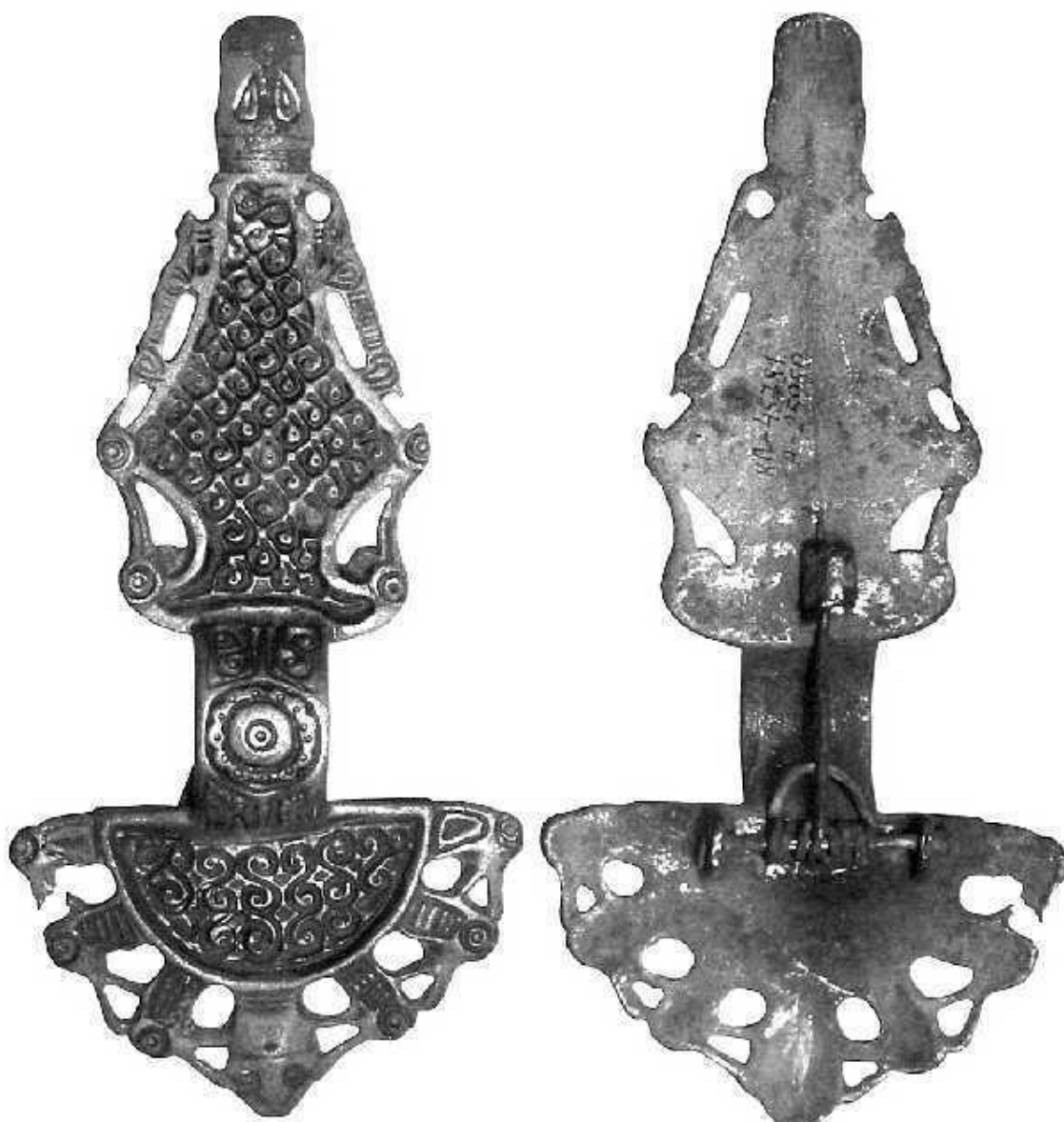
Однако же именно в стиле «Е» впервые появляется новый основной мотив, действующий на протяжении последующих трехсот лет: некое странное на вид животное, так называемый «хватающий зверь». Изначально его появление можно отнести к попыткам скопировать изображение льва, характерного для изобразительного искусства Франкской империи. Однако «хватающий зверь» норманнов уже совсем не похож на льва, он будто совершенно лишен породы. Непонятно даже: то ли это собака, то ли тигренок, то ли медвежонок, то ли кто-то еще. В любом случае «хватающий зверь» имеет четыре мощные, непропорциональные по отношению к туловищу лапы и обращенную к зрителю пасть, тело его находится в напряжении, пасть будто ощерилась, глаза необычайно вытаращены.

Постепенно из общей массы изображений стиля «Е» начинают выделяться два стиля, заслуживших собственные названия: Борре (вторая половина IX – первая половина X в.) и Еллинг (первая половина X в.).

Особенностью стиля Борре является сочетание ленточного переплетения звериных фигур с геометрическими фигурами внутри, с так называемыми кольцевыми цепями¹⁵. Одинокий «хватающий зверь» обретает несколько больший вес во всей композиции, но имеет своеобразную форму: длинную изогнутую шею, узкое туловище, которое между грудью и бедрами также изгибается дугой. Это первый скандинавский стиль, хорошо известный в Восточной Европе.

---

¹⁵ *Розсдаль Э.* Мир викингов. Викинги дома и за рубежом. СПб., 2001. С. 106.

Фибула в скандинавском зверином стиле из могильника Лучистое (Крым, окрестности Алушты)

Стиль Еллинг появился чуть позже, схож со стилем Борре, только несколько более аристократичен. Здесь представлены все те же лентовидные фигуры зверей в переплетении их туловищ, с головами, развернутыми в профиль. Изысканные вещи выполнены с большим художественным вкусом, украшены позолотой и рассчитаны на богатых людей из окружения конунга. Образцы этого стиля также обнаруживаются среди археологических находок в Восточной Европе.

После стилей Еллинг и Борре возник их некий симбиоз, так называемый стиль «Большого зверя», состоящий из двух последовательных этапов: Маммен (вторая половина X – начало XI в.) и Рингерике (первая половина XI в.).

Стиль Маммен можно считать вершиной норманнского изобразительного искусства «эпохи викингов». Он отличается особой силой и экспрессией, животные и птицы здесь имеют также изогнутые туловища, но пропадает прежнее стремление к симметрии. Собственное значение приобретает растительный орнамент. Сказалось влияние западноевропейского искусства, которое привнесло более натуралистическое изображение животных и изобилие растительной орнаментики. Основным мотивом остается изображение «хватающего зверя»,

превратившегося теперь в довольно крупного, запечатленного в энергичном движении, иногда это некое лентообразное животное или даже змей.

Примерно на рубеже столетий стиль Маммен сменился стилем Рингерике. Исторически его появление совпадает с завоеванием норманнами Англии. Здесь еще более отчетливо проявляется западноевропейское влияние уинчестерского стиля, распространенного в южных регионах английского королевства Кнуда Великого, а собственно норманнский подход несколько утрачивается. Все большее значение приобретает растительная орнаментика по сравнению с изображением животных и птиц. Последние часто изображены в окружении лозы и листьев, которые буйно произрастают из их тел или растут сами по себе¹⁶.

Стиль «Большого зверя» завершился примерно в середине XI в. Позднее норманнское искусство попало под влияние христианской церкви, в результате чего появился новый, смешанный церковно-языческий стиль «Урнес».

В стиле Урнес все еще встречаются животные, в том числе змеи, а также тонкие стебли растений, иногда увенчанные змеиной головой. В целом это некое сплошное волнообразное переплетение животных, змей и растений. В числе мотивов по-прежнему присутствует четырехногий «хватающий зверь», но здесь он гораздо меньшего размера, имеет заостренную морду и тощий, словно борзая. Около 1200 года стиль Урнес полностью исчезает. И очень жаль. Прежде всего, от некоей недосказанности и желания понять: выродился бы со временем «хватающий зверь» в рамках развития церковно-языческого искусства в мышь (крысу) или нет?

Скандинавская поэзия имеет много общего с поэзией других регионов, где в ходу были германские языки. По правилам аллитерации согласные рифмуются с согласными, а все гласные рифмуются друг с другом. В противоположность германскому стихосложению скандинавская поэзия состояла из строф и, как правило, в каждой строке имелось строго определенное число слогов. Заметно стремление иметь минимальное количество слогов в строке. Краткость, сжатость, особая ритмика и стиль – явление уникальное, которое нигде больше не встречается¹⁷.

Скандинавскую поэзию «эпохи викингов» обычно разделяют на три группы: рунические стихи, эддические стихи и скальдические стихи. Четкая граница между ними устанавливается не всегда.

Под руническими стихами понимаются образцы поэзии, запечатленные в основном на рунических камнях, а также на некоторых других надписях. Примеры такой поэзии обнаруживаются на территории всей Скандинавии, особенно часто – в Швеции. Датируются они второй половиной X–XI в. Как правило, это краткие хвалебные стихи в память об именитых людях, отличающиеся простым размером «fornyrdislag» («древних слов») и легко доступные для понимания.

Эддические стихи по своему стилю и ритмике напоминают рунические. Только рассказывают они о скандинавских языческих богах и древних героях. Сохранилась эддическая поэзия в немногочисленных рукописях, записанных в Исландии в XIII–XIV вв. Главными размерами тут являются «fornyrdislag» («древних слов») и «ljodahattr» («магических песен»), хотя только лишь некоторые из них имеют магическую тематику.

Большая часть скальдических стихов – это прославление знаменитых конунгов, ярлов и хёвдингов. До нас они дошли благодаря исландским сагам, написанным в конце XII–XIII вв. Стихи скальдов повествуют об эпизодах из их личной жизни, поэтому часто имеется возможность соотнести те или иные строфы со вполне конкретными историческими событиями. Главным размером скальдической поэзии является «drottkvet» («героический размер»). Небольшая

---

¹⁶ Розedale Э. Мир викингов. Викинги дома и за рубежом. СПб., 2001. С. 107.

¹⁷ Розedale Э. Мир викингов. Викинги дома и за рубежом. СПб., 2001. С. 111.

ее часть написана размером «fornyrdislag» («древних слов»), но в целом этот стиль не пользовался у скальдов популярностью.

«Конкретной информации стихотворение скальда обычно содержит немного. Но его песнь имеет весьма сложное и строгое построение переплетающимися между собой фразами и насыщена своеобразными метафорическими оборотами – кеннингами. Упор в поэзии скальдов делается не на содержание, а на форму, которой стремились придать максимальную изысканность. Однако скальды не столько изобретали собственные образы, сколько пользовались традиционными условными обозначениями, подчас не связанными с содержанием стиха. Кеннинги вскоре приобрели стереотипный характер и крайнюю вычурность»¹⁸.

Единственной формой письменности у скандинавов до конца XI в. оставались древнегерманские знаки – руны. Но они имели преимущественно магическое значение, гражданских законов или договоров купли-продажи ими не записывали. Законы хранились в памяти лагманов, а положения торговой сделки в памяти шести свидетелей. Требования к памяти предъявлялись очень большие. Свидетели обязаны были помнить все положения заключенного соглашения, чтобы при необходимости подтвердить их на тинге либо сообщить тем, кто должен был выполнять функции свидетеля впоследствии¹⁹.

Руническое письмо норманнов, так же как и восточноевропейская глаголица (именно так, а вовсе не кириллица; путаница возникла благодаря усилиям церкви), были созданы на основе греческого и латинского алфавитов. Хорошо заметны различия в использовании этих двух видов письменности. В Новгороде и других русских городах писали буквами на бересте. Скандинавы вырезали руны по камню, дереву, кости и керамике. Каждая руна обязательно имела свой собственный заложенный в нее смысл, поэтому их часто использовали для гадания. Руны могли иметь значение отдельных богов и предметов, отвечать за созидание или разрушение, успех или неудачу, болезнь или исцеление и пр. Встречаются надписи рунами, которые не несут вообще никакой прямой информации, кроме заложенного в них скрытого магического смысла.

«Примерно с началом эпохи викингов в скандинавской письменности происходят коренные изменения, и число рун сокращается до 16 знаков. При этом претерпевает изменения и графика некоторых рун. Они упрощаются, и теперь становится легче наносить эти руны на различные поверхности. Но, с другой стороны, чтение их усложняется, поскольку многие знаки имеют теперь несколько значений, так как один и тот же знак должен сочетать в себе несколько звуков. Так, например, руна “и” одновременно обозначает звуки; “у, о, и, э, в”. Руна “к” может читаться как: “к, г, нк, нг”. В то же время была разработана система особых знаков для разделения друг от друга слов и целых фраз. Сегодня многие рунические надписи прочесть затруднительно или даже невозможно»²⁰.

Скандинавские воины всегда представляли собой довольно грозную военную силу, прежде всего в пешем ближнем бою (против кавалерии они были не столь успешны). Здесь сызмальства отрабатывали нанесение четкого, акцентированного удара топором или мечом, обучались основным построениям типа «стена щитов» (skjoldborg, плотная глубокая фаланга) или «порядок боевых свиней» (svinfylka, клиновидная вариация фаланги). Свидетельством этого служат обильные находки деревянных «игрушечных» мечей на норманнских поселениях.

Впрочем, собственно скандинавские железные мечи были довольно невысокого качества. В сагах рассказывается, что после обмена ударами воины порой подправляли их форму ногой. Той же цели служили специальные наковальни, которые брали с собой на военные корабли. Впрочем, у норманнов имелись и хорошие мечи франкского типа, приобретенные в преде-

---

¹⁸ Гуревич А.Я. Походы викингов. М., 1966. С. 151.

¹⁹ Гуревич А.Я. Походы викингов. М., 1966. С. 22.

²⁰ Розсдаль Э. Мир викингов. Викинги дома и за рубежом. СПб., 2001. С. 28–29.

лах государств прежней Франкской империи. Запрет на продажу скандинавам хорошего оружия был одним из наиболее действенных способов политического давления на них со стороны королей Средней Европы.

Плохое собственное железное оружие (мечи, топоры, ножи) привело к тому, что в Скандинавии сложилась особая техника боя, при которой поединщики не фехтовали клинками, как это было принято в остальной Европе, а старались принять удар соперника на круглый деревянный щит. Это избавляло их оружие от зазубрин и быстрого выхода из строя.

Изначально норманны довольно редко пользовались кольчатым защитным доспехом и даже еще в середине X в. употребляли куполовидные шлемы. Однако столкнувшись на Руси и во Франкской империи с развитым употреблением кольчуг и конических шлемов, переняли их для собственных воинов. Возможно, это норманны принесли на Русь круглые щиты с коническим или полусферическим умбоном в центре, единичные находки которых обнаруживаются во всех крупных древнерусских некрополях конца X – начала XI в. Впрочем, практика применения круглых щитов довольно быстро прекратилась, с середины XI в. встречаются уже только миндалевидные.

«Во время скитаний на русских просторах и на Востоке они [норманны] переняли саблю, стали более широко употреблять кольчуги, конический шлем, кочевническую пику, восточный чекан, русские боевые топоры, возможно, сложный лук, округлые стремена и другие принадлежности упряжи, обучились новым приемам конного боя»²¹.

Сообщения о массированных грабительских нападениях викингов на побережье в западноевропейских латинских источниках излишне эмоциональны, порой откровенно неточны, а численность отрядов нападавших, как правило, завышена в разы.

Возможности скандинавских стран по набору воинов в XII–XIII вв. представлены в следующей таблице.

Структура вооруженных сил и общественной стратификации скандинавских стран в период раннего феодализма (XII–XIII вв.)²²

Страна	Ледунг (народное ополчение)	Феодальное войско (рыцари, хускарлы)	Лендерманы (королевские вассалы)
Дания	35 000	9000	250
Швеция	12 000	3000	75
Норвегия	13 000	3000	75
Всего:	60 000	15 000	400

Попробуем использовать эти данные для расчета численности скандинавских войск чуть более раннего периода, в X–XI вв.

Феодальная форма ведения сельского хозяйства гораздо более продуктивна, нежели общинное земледелие, дававшее меньший прибавочный продукт. Соответственно и внутренний военный потенциал «эпохи викингов» также должен быть несколько ниже. В Западной Европе феодального уклада конца XI в. на одного профессионального воина приходилось примерно 20 производящих прибавочный продукт крестьян. Для общинной экономики на одного скандинавского профессионального воина должно было приходиться порядка 100 бондов.

²¹ Славяне и скандинавы / Под. общ. ред. Е.А. Мельниковой. М., 1986. С. 249–250.

²² Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 328.

Учитывая довольно быстрый рост населения Скандинавии указанного времени²³, для X в. будем брать ее общую численность не 1,5 (XIII в.), а только 1,25 млн чел.

Проведя теперь несложные вычисления для перевода данных таблицы по XII–XIII вв. (А) в данные таблицы по X–XI вв. (Б), получим, что за счёт внутренних ресурсов конунги и ярлы могли в содержать только примерно 2500 профессиональных воинов (Б пр. = А пр.*1,25/1,5*20/100). Народное ополчение при этом должно было составить порядка 50 000 чел. (Б оп. = А оп.*1,25/1,5).

Примерная структура вооруженных сил и общественной стратификации Скандинавских стран «эпохи викингов» (для X – начала XI в.)

Страна	Народное ополчение	Профессиональные воины	Конунги, ярлы, хёвдинги
Дания	30 000	1500	50
Швеция	10 000	500	15
Норвегия	10 000	500	15
Всего:	50 000	2500	80

В то же время, вплоть до второй половины X в., простые бонды вряд ли могли принимать активное участие в дальних походах. Франкский меч в Скандинавии «эпохи викингов» стоил примерно 0,75 марки²⁴ (1 марка = 204 г серебра = 2 коровы = 12 овец = 6,6 свиньи), копье (= щит = топор) – около 0,25 марки.

Таким образом, только на минимальный набор военной экипировки ополченца (щит + топор или копье) нужно было потратить 0,5 марки. Защитные доспехи стоили гораздо дороже. За хорошую кольчугу нужно было отдать целых 6 марок (12 голов крупного рогатого скота). Снаряжение боевого коня обходилось примерно в 2,5 марки (конь = 1,5 марки; стремяна = 0,6 марки; шпоры = 0,1 марки; уздечка = 0,07 марки и пр.). Чтобы полностью вооружиться в поход, скандинавскому бонду необходимо было извести целое состояние.

Рассмотрим теперь внутреннюю структуру типового скандинавского войска. Основу его составлял хирд – профессиональная дружина конунга или ярла, численность которой варьировалась в пределах от 25 до 400 человек.

Когда необходимо было защитить страну от нападения или собрать большую армию для завоевательского похода, рассылали «ратную стрелу» – призыв к сбору народного ополчения – ледунга (лейдунга, лейданга).

Усадьбы бондов формально объединялись по четыре в так называемые «трети», выставившие в ополчение по одному воину. Группы из 2–3 десятков «третей» составляли «корабельные округа», каждый снаряжал боевой корабль²⁵.

Хёвдинги также иногда собирали свои местные временные дружины из ополчения, совершая набеги, а иногда даже соперничая с ярлами и конунгами.

Состав полного войска (X–XI вв.), состоящего из хирда и ополчения, был довольно пестрым:

²³ Славяне и скандинавы / Под общ. ред. Е.А. Мельниковой. М., 1986. С. 11.

²⁴ Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 326.

²⁵ Гуревич А.Я. Походы викингов. М., 1966. С. 131.

конунг, ярл – главный военачальник;

лид – все входившие в состав войска воины;

форинг – правая рука военачальника, помогал выполнять командные функции по управлению хирдом;

хускарлы / хирдманы – домочадцы, участники профессиональной дружины;

херсир – вождь ополчения, выбирался из числа хёвдингов;

хёвдинг – предводитель местной племенной дружины (позднее место хёвдингов заняли королевские лендерманы);

фелаг – объединение дружинников в составе общего войска либо самостоятельная дружина под предводительством местного военачальника (хёвдинга);

хольд – наиболее опытный воин высокого ранга, старший дружинник;

грам – «лютый» воин в составе дружины, функции до конца не ясны, возможно, то же, что берсерк;

дренг – младший дружинник, набор оружия неполный, без лука и стрел;

скутильсвейны – общее название воинов высокого ранга;

кертільсвейны – общее название младших дружинников.

Особый вид воинов составляли берсерки. Предположительно это были воины, прибегавшие к стимулированию собственного организма перед боем употреблением психотропных веществ, содержащихся в мухоморах. Практика применения мухоморов северными народами имеет довольно давнюю традицию. Даже сегодня перед перекочевкой с одного места на другое, либо просто намечая длительный переход, многие скотоводы и охотники специально едят эти грибы, считающиеся ядовитыми, – правда, в небольших дозах (необходимо знать свою норму).

Эффект применения мухоморов имеет, как правило, двуступенчатый характер. На первом, относительно коротком этапе (порядка часа), у человека теряется связь с реальностью, ему может мерещиться все, что угодно. Скандинавские воины, видимо, представляли себя в этот момент медведями или волками, приходили в полное неистовство, выли, рычали и грызли свои щиты²⁶. Галлюцинации постепенно проходили, и наступал второй, более длительный, этап, во время которого человек практически не чувствует собственной усталости. Он способен к изнурительной работе без отдыха или сражению с противником в течение нескольких часов подряд (до 12–15 часов). Потом, конечно, наступала стадия полного бессилия. Именно так и описываются берсерки в сагах после боя: они практически теряли способность передвигаться и отлеживались несколько дней.

С учетом реконструкции ранней русской истории (киевская «династия хольдов» начала – середины X в.) многих может особо заинтересовать реальный статус хольда средневековой Скандинавии.

Неоднократно обращался к рассмотрению данного термина в своих работах А. Я. Гуревич. Согласно проведенному им разбору скандинавской поэзии, скальды IX в. использовали название holdr, holdr, hauldr в изначальном смысле как «воитель, герой, воин», в частности, употребляя выражения hraiistra vikinga («храбрые викинги») и holda («хольды») как синонимы²⁷.

В «Песне о Хюндле» из Старшей Эдды уравниваются [возможно, ошибочно. – Авт.] haldborit с hersborit – «рожденные от хольдов» и «рожденные от херсиров», – таким образом причисляя их обоих к odlingar («благородным»), восходящим к древним героям²⁸.

---

²⁶ Сага об Инглингах // Круг земной. М., 1980. С. 13.

²⁷ Гуревич А.Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967. С. 171–172.

²⁸ Гуревич А.Я. «Эдда» и право (к истолкованию «Песни о Хюндле») // Скандинавский сборник. 1976. № 21 С. 55–73.

В норвежских Законах Фрослатинга (XII в.) сообщается, что разбирательство земельного спора на областном тинге должны вести 12 хольдов или лучших бондов²⁹.

После упадка движения викингов и превращения военной службы в обязанность королевских вассалов термин «хольд» закрепился в первую очередь за «могучими бондами», а в составе дружины (с XIII в.) он был вытеснен новым, осознававшимся, по-видимому, как эквивалентное понятие *tiddai* – «рыцари»³⁰.

Скандинавское общество IX–XI вв. в принципе очень любопытно для стороннего изучения, и связано это отнюдь не только с хорошо известной «эпохой викингов», но также и двумя следующими обстоятельствами:

- 1) особым внутренним состоянием норманнов в означенный период;
- 2) необычным восприятием ими окружающей действительности.

Начнем по порядку. Под особым внутренним состоянием в данном случае мы будем понимать некое непрерывное нервное напряжение, присущее как непосредственно каждому отдельному индивидууму, так и всему скандинавскому обществу в целом. Можно полагать, это было связано в первую очередь с достаточно суровыми условиями жизни, в которых норманны были вынуждены существовать в рассматриваемое время.

Казалось бы, климат в Скандинавии (особенно в ее южной части), и уж тем более в Ютландии, не такой уж и плохой. Прохладное лето, зато довольно теплая зима. Вместе с тем здесь довольно скудные природные пищевые ресурсы в целом, в связи с чем общество было вынуждено все время балансировать на грани голода.

В Восточной Европе зима более длинная и суровая, но такого внутреннего напряжения ни одно общество никогда не испытывало. Возможно, дело в том, что здесь научились обходиться дарами леса, которыми можно было прокормиться в любой, даже самый голодный год. Больших городов в то время еще не было, а хозяйственному освоению со стороны финно-угров, славян и русов подверглись в основном только территории лесной и лесостепной зон.

В Скандинавии также всегда было много лесов, где водились пригодные для охоты животные, однако почему-то лес никогда не рассматривался здесь как место, которым можно было прокормиться. Охота на лесных зверей играла лишь вспомогательную роль в обеспечении усадьбы продуктами питания, а сбор даров леса никогда не был поставлен на поток, как это имело место в Восточной Европе.

Известно, что в Средние века хлеба в Скандинавии традиционно не хватало, зерно сюда ввозили из других стран (сначала из Англии, затем из Германии). Методы обработки полей на протяжении всего Средневековья оставались большей частью примитивными. Даже еще в XI–XII вв. сохранялось подсечно-огневое земледелие и применение мотыги. Хотя наряду с ними постепенно распространялось двуполье и плуг. Трехпольный севооборот применялся мало. Урожайность была низкой, не достигая уровня сам-третий³¹.

Кормов также всегда не хватало. В дождливое лето большая часть скошенного сена пропадала, сгнивая в стогах. Весной отошавших коров порой приходилось выносить на пастбища на руках. Массовый падеж скота был вполне обычным явлением.

Другим бичом для местных жителей была нестабильность получения морских ресурсов. Традиционно значительную долю в местном рационе питания всегда составляла рыба. Как только в неурожайный год рыба не приходила к берегу, а рыбаки раз за разом начинали вытаскивать из воды пустые сети, становилось ясно, что в край снова пришел голод.

---

²⁹ Законы Фрослатинга, XIV:7 // *Das Rechtsbuch des Frostatings / Germanenrechte*. Bd. 4 – *Norvegisches Recht*, Weimar, 1939, S. 11–256.

³⁰ Гуревич А.Я. Норвежское общество в раннее Средневековье: проблемы социального строя и культуры. М., 1977. С. 178–212.

³¹ Сванидзе А.А. Викинги – люди саги: быт и нравы. М., 2014. С. 89.

В сагах содержится целый ряд упоминаний о жестоких голодовках, вызванных неурожаем и отсутствием рыбы. Во время голода 976 г. из домов выгоняли стариков, обрекая их на верную смерть. В Саге о Гретире говорится о многолетнем голоде в Исландии.

Голод и его угроза – вот она, повседневная и не исчезающая реальность в жизни каждого норманна того времени.

Неизбежно возникавшая потребность в регулировании численности жителей разрешалась здесь посредством узаконенного детоубийства или изгнания из дома «лишних ртов». Новорожденного обычно сразу приносили отцу, и только он один решал, оставить ребенка в семье или нет.

«В те времена в ходу было понятие *gravgangsmenn* – «люди, обреченные на могилу»: если вольноотпущенник не мог прокормить свое потомство, детей оставляли в открытой могиле; бывший господин вольноотпущенника должен был взять наиболее крепкого из этих несчастных, остальные погибали голодной смертью. Показательно, что, когда в 1000 г. исландцы согласились принять крещение, было специально оговорено сохранение старинного обычая выбрасывать новорожденных»³².

Отсутствие достаточного количества продуктов питания приводило к тому, что очень многие готовы были «продавать свой меч» кому угодно, лишь бы прокормиться. Пользовались обилием такого рода людей как местные вожди (морские конунги), собирающие из них дружины (фелаги) для грабежа соседей, так и иноземные правители, с удовольствием нанимавшие на службу вооруженные отряды целиком, вместе с вождями.

Внутреннее напряжение, в котором пребывало скандинавское общество, получило свое естественное отражение в местном искусстве. «Звериный стиль» был распространен у многих народов Евразии. Однако здесь он приобрел вполне конкретные особенности, выраженные прежде всего в обилии узлов, которые являются самым распространенным элементом местного орнамента. В узлы сплетается здесь все: веревки, цепи, стебли растений, растения и животные, животные друг с другом. Даже просто отдельно стоящий зверь непременно хочет до предела каким-то неестественным образом изогнуться или же скрестить свои шею, лапы и хвост.

Поэзия скандинавских скальдов имеет довольно однообразную форму, однако же она наполнена множеством так называемых кеннингов, о которых уже говорилось ранее. Судя по всему, это тоже признак определенного внутреннего напряжения, поэтому мы назовем их условно «поэтическими узлами». Здесь не было принято говорить просто: воин, вождь, море, корабль или битва. Не подходили также принятые у многих других народов простые поэтические метафоры. Обязательно следовало выразиться как можно более замороченно, например:

Воин: крушитель бранных рубашек, утешитель ворона, стражник жара прибоя, Фрейр смерча мечей, древо встречи валькирий, ловчий волка приливов, владык бранных уборов, и др.

Конунг: дробитель золота, страж рати, державный хёвдинг, вяз вепря стяга попутного ветра, даритель дождя ладони, страж рати, дуб битвы и др.

Битва: пир валькирий, стон стали, выюга мечей, песня копий, гром металла, дротики лязга, распря оружий, ураган Гендуль, буран Одина и др.

Меч: кнут битвы, волк павших, луч сражений, наряд воителя, потомок молота, дракон шлемов, огонь раны, уж кольчуги, палица ратной рубашки и др.

Корабль: конь паруса, дракон моря, волк приливов, олень заливов, бык штевня, парусатый русак, вепрь потока, лодка лужи, конь дров и др.

Море: родина рыб, китовый чертог, воды, долина тюленей, лебединая дорога, луг Ран, дом кормы, пенное поле, влага чаек и др.³³

---

³² Гуревич А.Я. Походы викингов. М., 1966. С. 14.

³³ Сванидзе А.А. Викинги – люди саги: быт и нравы. М., 2014. С. 715–718.

Некоторые кеннинги настолько усложнены, что их не могут расшифровать до сих пор.

Несмотря на хорошие голоса, петь норманны совершенно не умели. Напрягая глотки (или, быть может, приводя их в естественное для себя состояние), они просто тянули звуки. Получалось что-то вроде завывания голодных орков. Арабский купец Ибрагим ибн Якуб ат-Тартуши в 965 г. посетил Хедебю, после чего оставил о городе следующие впечатления: «Шлезвиг – очень большой город на внешней оконечности Мирового океана... никогда не слышал я пения более отвратительного, нежели пение шлезвигцев, и то рычание, что исходит из их гортаней, подобно лаю собак»³⁴.

Календарь скандинавов был несколько своеобразным. Даже просто по выбору измеряемых в нем величин. Многие уже Наверное догадались, что счет суток здесь вели вовсе не по дням, а по ночам. Годы же обретали свое значение вовсе не по летам, а по прошедшим зимам. То есть ход времени норманны привыкли измерять не по относительно легкому периоду жизни, а по более тяжелому: темному, холодному и опасному. Именно такое решение подсказывала им окружающая действительность.

Любой народ в достаточно сильной степени характеризует способ казни, к которой они прибегали, наказывая преступников. Не верьте тем, кто уверяет, будто в Скандинавии вора рубили головы, как это представлено в популярном сериале «Викинги». Традиционный способ лишения жизни здесь – удушение. Только таким способом напряжение тела человека могло достичь своего максимума и реализовать свое «истинное» (с точки зрения норманнов того времени) предназначение. Отрубание головы преступнику приводило к совершенно обратному эффекту – быстрому расслаблению всех мышц его тела – и никак не могло соответствовать местной традиции.

Исключение составляла только казнь колдунов и ведьм. К ним опасались прикасаться даже при посредничестве каких-либо предметов, поэтому просто забрасывали камнями.

В «Саге о людях с песчаного берега» (XIII в.; описываются события конца X в.) говорится про разбиение жертвам голов в честь бога Тора о большой камень на мысе Тора в Исландии. Однако, скорее всего, это лишь фантазия одного из поздних редакторов саги. Камень Тора сохранился до наших дней, но не смотря на все усилия археологов, никаких следов якобы прилагавшегося к нему «круга, где людей присуждали в жертву богам»³⁵, обнаружить не удалось.

Что касается вариантов, которыми можно было лишить человека возможности дышать, то в этом вопросе норманны были большими знатоками. Прежде всего они практиковали, конечно, традиционное повешенье на деревьях воров и беглых рабов, утопление в болоте бежавших с поля боя воинов, удушение кровников в дыму подожженного дома, привязывание предателей к камням во время отлива, сбрасывание в море раненых с захваченного судна. Пожелавшую добровольно умереть вместе со своим мужем женщину, согласно Ибн Фадлану («Записка»), повесили без всякого дерева: привязав веревками за шею и ноги к двум вбитым в землю столбикам. Даже просто умершему по любой причине человеку, следуя древнему обычаю, проводили контрольное удушение, тщательно зажимая пальцами нос и рот. Это называлось здесь «охраной последнего вдоха и выдоха» (см. «Сага о Ньяле»).

---

³⁴ Славяне и скандинавы / Под общ. ред. Е.А. Мельниковой. М., 1986. С. 74–75.

³⁵ Исландские саги. Т. 2. – М., 2004. Стр. 30.

Альтинг в средневековой Исландии. С картины У. Коллингвуда

Можно поверить даже в достоверность легендарной изощренной казни особо ненавидимых врагов, так называемого «кровавого орла», когда на спине еще живого человека рассекали ребра и разводили их в стороны в виде крыльев, после чего извлекали наружу легкие. Если к этому времени жертва еще не успевала умереть от болевого шока, она также задыхалась в больших мучениях.

Каждые девять лет норманны вешали на деревьях в честь Одина девять видов живых существ мужского пола, в том числе считая и людей³⁶. Внешнее и внутреннее напряжение, извлекаемое жрецами из такого рода ритуала, достигало, видимо, пика. Можно полагать, что это даже некий идеал скандинавского проявления благодарности древним богам. Вы только представьте себе следующую картину. Безмолвная толпа людей обступила огромный раскидистый дуб. Раскрыв рты все застыли, чуть подавшись вперед и внимая пророчествам нескольких служителей культа. Над ними на ветвях болтаются повешенные, оттеняющие своими силуэтами вечернее небо. Корявые ветви дерева согнулись под тяжестью множества тел, крепкие веревки стянуты на глотках своих жертв тугими узлами. И самая последняя жертва: с вытаращенными глазами, корчащаяся в нелепой позе, источая в мир последние усилия предсмертной борьбы.

У русинов также существовали законы против воров, однако если оказывалось, что человек украл какую-то вещь не для того, чтобы на этом заработать, а только чтобы накормить свою беременную жену, суд прекращался и обвиняемого немедленно отпускали. Всем было понятно, что находящийся в состоянии нервного стресса муж не может себя полностью контролировать. Теперь представьте, что в Скандинавии в аналогичном состоянии находился не какой-то отдельный человек, а все общество в целом. Причем сами местные жители это отлично понимали. Всякого рода неуравновешенное, подчас агрессивное поведение соседа не вызывало

---

³⁶ Симпсон Ж. Викинги. Быт, религия, культура. М., 2005. С. 218.

здесь какого-то удивления. Этому просто стремились противопоставить собственную агрессию и неуравновешенность.

Частые бытовые конфликты в «эпоху викингов» были не следствием какого-то внезапного катаклизма, а именно состоянием неспадающего внутреннего напряжения. В тяжелой монотонной жизни, постоянном ожидании голода и смерти близких людям требовалась хоть какая-то эмоциональная разрядка. Бонды, порой достаточно зажиточные, в успешные годы, тем не менее постоянно искали повод для нанесения друг другу оскорблений, ввязывались в склоки, судебные тяжбы, драки и массовые потасовки, крали друг у друга имущество, сжигали строения.

Королевские саги – достаточно позднее веяние в скандинавской литературе. При чтении же родовых саг никак не удастся избавиться от ощущения, что это какая-то совсем другая, «неправильная» литература. Если в большинстве произведений мировой классики основными сюжетными линиями являются любовные отношения или борьба за власть, то здесь главный мотив – это месть. Мстили все и всем, стремясь свести счеты за действительные или мнимые обиды. Так и сходили в могилу ради свершившейся мести или же, напротив, не успев отомстить. А если какой-то мужчина не решался на месть, то его подталкивали на это женщины. Отцы, мужья и братья погибали в схватках, но для женщин это было не самым главным. Подрастали дети, и все начиналось снова. В результате череда жестоких разборок проходила кровавой нитью через жизни сразу нескольких поколений.

«Одним из основных жизненных принципов в скандинавском мире было то, что рано или поздно любой человек обязательно становился участником кровной мести... Первоначальная ссора могла возникнуть из-за какого-то совершенно незначительного события, которому обе стороны сначала не придавали никакого значения, так что до возникновения открытой вражды могло пройти достаточно много времени. Наконец член одной семьи оскорблял члена другой словесно или физически. Честь семьи оказывалась задета»³⁷.

Как только «маятник судьбы» оказывался запущенным, события развивались по нарастающей. Далеко не все были готовы удовлетвориться выплатой виры. Считалось, что ответное убийство – гораздо более справедливое решение. Парные стычки порой переходили в настоящее массовое побоище между двумя семьями с применением оружия, к которому подключались близкие и дальние родственники, друзья и знакомые, а иногда даже простые рабы.

Некоторые виды убийства, например исподтишка, безоружного на дороге, поджог жилого дома вместе с домочацами и др. – считались постыдными, что, впрочем, никого не останавливало. Напротив, сам подход к родовой мести был довольно подлым, поскольку отомстить в первую очередь старались вовсе не убийце, а лучшему, самому красивому, богатому и успешному человеку из враждебного семейства.

«В этой стране издавна существовал злой обычай: когда человека убивали, его родичи нападали на любого человека, который в роду убийцы считался самым лучшим (хотя убийство могло быть совершено без его ведома или желания, и он не принимал в нем участия), и они не мстили самому убийце, хотя это легко можно было сделать»³⁸.

Теперь рассмотрим вопрос о необычном восприятии норманнами окружающей действительности.

При изучении «эпохи викингов» в Скандинавии довольно часто забывают о том факте, что изначально предки норманнов, носители мужской Y-хромосомной гаплогруппы I1, вовсе не индоевропейцы. Примерно 4–3,5 тыс. лет назад они, что называется, прошли «бутылочное горлышко», когда значительная часть их представителей погибла. Все сегодняшние носители

---

³⁷ Симпсон Ж. Викинги. Быт, религия, культура. М., 2005. С. 182.

³⁸ Там же. С. 183.

гаплогруппы I1 происходят всего от одного-единственного представителя, жившего примерно 4–5 тыс. лет назад.

По одной версии, в это время в Европе случился какой-то крупный природный катаклизм, приведший к печальным для людей последствиям³⁹. Такой подход, конечно, сглаживает неудобные углы, но маловероятен, поскольку тогда непонятно, каким же образом природный катаклизм мог действовать столь избирательно, уничтожая представителей одних гаплогрупп и не причиняя вреда другим. Более вероятна вторая версия, хотя и менее политкорректная, согласно которой истребление представителей гаплогруппы I1 связано с появлением в Центральной Европе индоевропейцев, носителей гаплогруппы R1b1 (индоевропейцы гаплогруппы R1a1 появилась здесь гораздо раньше). Большую часть мужчин коренного населения вторая волна индоевропейцев попросту истребила, взяв их женщин в свои дома в качестве жен.

В результате на сегодня в Скандинавии носителями исходной мужской гаплогруппы I1 являются немногим более 1/3 всего населения (Дания – 25 %, Норвегия – 40 %, Швеция – 41 %) ⁴⁰. Однако, принимая во внимание, что и другая часть норманнов должна иметь в числе своих предков представительниц коренного населения, достаточно условно можно считать их всех все-таки потомками аборигенов (на 2/3), хотя и с существенной индоевропейской примесью. Более точные данные могут дать исследования женских генетических маркеров мтДНК. Древний местный язык оказался забытым, а современные происходят из древнескандинавского, заимствованного у индоевропейцев и относящегося лингвистами к северному варианту германских языков.

Данная тема затронута нами отнюдь не случайно, а по той простой причине, что мировосприятие норманнов в целом отлично от индоевропейского и имеет особенности, которые следует очень четко понимать.

В Скандинавии большое значение имеют слова и звуки вообще. При внимательном изучении быта норманнов это достаточно хорошо заметно.

Согласно сагам, перед боем норманны громко стучали оружием о щиты, что должно было, по их мнению, увеличить как крепость щитов, так и разрушительную мощь мечей и топоров. Так же и в русском «Слове о полку Игореве» готские красные девы звенят русским золотом, лелея планы мести, тем самым заранее увеличивая его количество.

Самая известная скандинавская сказка «Русалочка» довольно своеобразна и хорошо подчеркивает местный колорит. Ради встречи с возлюбленным девушка жертвует своим голосом. Оказывается, что он как и всякий другой осязаемый предмет вполне может быть объектом действия человека: продан, передан, обменен, украден и т. п.»

---

³⁹ Клесов А., Тюняев А. Происхождение человека (по данным археологии, антропологии и ДНК-генеалогии). М., 2010. С. 329.

⁴⁰ Там же. С. 321.

Шлем богатого скандинавского воина. *Курск, случайная находка*

Традиционно важное место в противостоянии сторон у норманнов всегда занимали переговоры. Причем как до конфликта, так и после него. Каждый монолог и уж тем более диалог был для них некой вполне осязаемой «вещью», которую можно и нужно холить и лелеять. Если в Восточной Европе переговоры всегда имели свою конкретную цель, а их результат считался успешным только при достижении определенной выгоды, то у норманнов успешными считались любые переговоры вообще, вне зависимости от результата. В принципе он был даже не нужен, поскольку окончательное решение все равно принималось заранее, еще до переговоров.

Попавшемуся в руки правосудия вору или вообще любому другому преступнику обязательно давали возможность высказать последнее слово. Ему могли даже поаплодировать за особенно хорошее выступление, смахнув с глаз скупую слезу (трудное детство, тяжелая жизнь,

неизлечимая болезнь, несчастливая судьба и пр.). Вот только это никак не могло повлиять на результат суда: пойманного все равно казнили.

Обладая хорошим слухом, скандинавы часто проявляют склонность к занятиям музыкой и пением. Исследования показывают, что эта особенность предопределяет также повышенные способности в некоторых разделах математики, а также здорово помогает в символьном мышлении вообще. Возможно, при этом оказываются задействованы те же либо близкие к ним области головного мозга.

Ничто, однако, не дается даром. Получив определенное преимущество в слуховом восприятии, норманны несколько теряют в зрительном восприятии. Можно заметить, что восприятие цвета у них несколько понижено. Идеальными иллюстрациями к книгам здесь всегда служили черно-белые контрастные выразительные рисунки или гравюры.

Если какой-то человек из Восточной Европы захочет вдруг ознакомиться со скандинавскими сагами, что называется, «в оригинале», ему следует взять экземпляр книги, снабженный именно черно-белыми иллюстрациями, вроде тех, что сделал в свое время для «Круга земного» норвежский иллюстратор Хальфдан Эгедиус. При этом все слова и фразы, описывающие звуки или же действия, вызывающие звуки, должны быть обязательно каким-то образом выделены в тексте для привлечения большего внимания читателя: крупными буквами, жирным шрифтом, продублированы или хотя бы подчеркнуты.

Другим заметным недостатком скандинавов является образное мышление. На первый взгляд может показаться, что его даже попросту нет. Следствием этого является, например, плохая пространственная ориентация на дальних расстояниях, а также стремление к каким-то ограничениям вокруг собственного я, причем как в физическом, так и в ментальном плане.

Не случайно область проживания людей (норманнов) получила здесь название Митгард, что буквально означает «окруженный оградой». Прочий мир, нескандинавский, имел название Утгард, то есть «находящийся за оградой»: его они представляли населенным всевозможными чудовищами, великанами, колдунами и карликами.

Причем даже люди, проживающие в этом внешнем мире (Утгарде), тоже считались какими-то «ненастоящими». Попавший из внешнего мира в Скандинавию в силу обстоятельств свободный человек (или родившийся в смешанном браке) навсегда терял свое прежнее имя и получал другое: Эмунд/Анунд (или их вариации) или Астрид/Эстрид (или их вариации). Все и всегда должны были знать и помнить (фактически слышать) о его неместном происхождении.

Законы защищали права только свободных людей и распространялись на всех жителей страны, но совершенно не относились к живущим вне Скандинавии людям. Этих «внешних» людей можно и нужно было обманывать и грабить. Законами это не запрещалось.

В то же время лишенный (по суду или указанию конунга) правовой защиты местный житель (фактически вытолкнутый за пределы «правовой ограды») также разом превращался в «недочеловека». Любому встречному при первом удобном случае надлежало его не только ограбить, но по возможности убить или обратить в раба. Предвидя такие последствия, лишены защиты закона, как правило, незамедлительно бежали из страны, а те, кто оставался, если верить родовым сагам, жили недолго.

Общая система государственного обустройства в Скандинавии имела три уровня. И это вовсе не противоречит повышенному слуховому восприятию, а напротив, их только подчеркивает. В каждой области регулярно собирался большой тинг, который посещали ярлы и конунги. Выступление правителя здесь вполне можно сравнить с «ударом молота». Само же собрание бондов условно считать «наковальней». В результате столкновения интересов конунга/ярла и могучих бондов возникали некие «раскаты грома». Позднее владельцы нескольких соседних ферм собирались на свой небольшой тинг, который являлся уже «эхом», отзвуком областных событий на местном уровне.

Специальных научных работ по данной теме обнаружить не удалось, но, возможно, более сложная – четырех- или пятиуровневая структура (будь то торгового сообщества, правового поля, налоговой или финансовой системы, армии, промышленного предприятия, избирательного права, государственного устройства и др.), особенно не имеющая каких-то четких внешних ограничений, – могла вызвать у скандинавов проблемы с адаптацией.

Другая «беда», явившаяся следствием все тех же особенностей восприятия, поразила норманнский мир еще в глубокой древности. Судя по всему, здесь столкнулись с серьезными проблемами в формировании языческой обрядности, особенно при построении собственной религиозной системы в целом.

В первую очередь стоит отметить довольно сильную вариативность применявшегося здесь погребального обряда. В Скандинавии того времени можно было встретить: сожжение на стороне, ингумацию, погребение в ладье, погребение в каменном или деревянном ящике, погребение в кургане под камнями или без камней, с предметами обихода и оружия или без них и пр. Все указывает на то, что у норманнов вплоть до принятия христианства так до конца и не сложилось четкого представления о загробном мире и о том, что же происходит с душами людей после смерти.

«Напрашивается предположение: общепринятых и единых представлений о потустороннем мире, о том, что происходит с человеком после смерти и какой род существования будет он вести в царстве мертвых, у скандинавов в эпоху викингов не существовало»⁴¹.

Казалось бы, в местной мифологии довольно хорошо проработана система Вальгаллы, куда попадали павшие в бою с мечом в руке воины. Однако культ Одина имеет явно привностной характер: эта личность заимствована у индоевропейцев примерно на рубеже н. э. Хорошо видно, что Один – относительно новый бог в местном пантеоне, поскольку он в чем-то дублирует Тора, также бога-воина. По всей видимости, одно время Один пытался «потеснить» своего предшественника с пьедестала, но так до конца и не сумел этого сделать.

Согласно исландским сборникам – Старшей Эдде и Младшей Эдде, души прочих умерших (не попавших в Вальгаллу) отправлялись в Фолькванг (поле людей), владения богини Фрейи. Умершие же от старости и болезней, а также нарушившие законы предков, навеки попадали в Хельхейм, холодные сумрачные и пустынные владения великанши Хель.

Однако как Старшая Эдда, так и Младшая Эдда, – это исключительно авторские произведения, причем достаточно поздние (XIII в.). Вряд ли именно такие представления были распространены у норманнов в рассматриваемое время.

Аналогичного мнения придерживался, например, А. Я. Гуревич: «Песни о богах и героях, – “Старшая Эдда” – не восходят непосредственно к эпохе викингов. Поэтому-то изучение духовной жизни скандинавов IX–XI вв. при помощи анализа эддических песен чревато ошибками и анахронизмами. Датировка эддических песен неясна и спорна, в любом случае они известны нам в позднейшей форме»⁴².

В предлагаемой в Эддах системе обустройства потустороннего мира вызывает сомнение само существование Фолькванга. Сагам и поэзии скальдов такое понятие неизвестно. Появление Фолькванга изначально выглядит несколько искусственным, поскольку имеет своей явной целью утешить тех, кто имел мало шансов на попадание в Вальгаллу; в какой-то мере оно нивелирует саму идею Вальгаллы.

В средневековой Скандинавии долгое время существовали старинные правила присвоения детям имен, явно рассчитанных на возвращение к ним душ предков из собственного рода. Фолькванг и Хельхейм в Эддах исключают саму возможность переселения душ, то есть факти-

---

⁴¹ Гуревич А.Я. Походы викингов. М., 1966. С. 160.

⁴² Гуревич А.Я. Походы викингов. М., 1966. С. 161.

чески противоречит сохранившимся сведениям о древней вере норманнов и навязывает вместо них версию, близкую к христианской.

Еще одним аргументом, подрывающим доверие к Эддам (основным источникам сведений по мифологии Древней Скандинавии), является наличие в них Мирового дерева Иггдрасиль (или «древа предела»). Это уже, скорее всего, заимствование из верований южных народов. Согласно мировоззрению норманнов, такого рода дерево («сучья которого распростерты над миром и поднимаются выше облаков») обязательно должно было находиться в пределах Мидгарда, однако ничего подобного в Скандинавии, разумеется, не обнаруживается. Священные дубы, на которых вешали жертвы в честь бога Одина, не в счет. Кроме того, Мировое дерево Иггдрасиль почему-то никак не участвует в сохранившихся космогонических мифах, согласно которым жизнь зародилась на границе тающих льдов.

Один. Рисунок из рукописи Старшей Эдды, XVII в.

«Иггдрасиль не упоминается в скандинавской космогонии, где мир создается в результате взаимодействия враждебных друг другу сил. В начале времен было всего два мира: огненный Муспель на юге и ледяной Нифльхейм на севере. Между ними лежала зияющая бездна Гиннунгап. Там, где жар Муспеля встречался со льдом Нифльхейма, лед таял и капал. От тепла в каплях пробуждалась жизнь, и они превратились в великана, имя которому было Имир»⁴³.

⁴³ Хейвуд Д. Люди Севера. История викингов, 793—1241. М., 2019. С. 20.

Показателем достаточно позднего создания обеих Эдд является наличие в них в качестве системообразующего понятия конца света (Рагнарёк), во время которого должна произойти грандиозная битва между дружинами эйнхериев и благородных богов с полчищами чудовищ и злобных мертвецов. Однако понятие конца света стало формироваться только в «эпоху викингов» и представляет собой идейное заимствование из христианства. Датировка самых первых надгробных памятников с руническими надписями относится лишь к началу X в.⁴⁴ Камни с надписями стали устанавливаться на могилах в качестве напоминания о заслугах погребенного, которые должны быть зачтены ему в конце света.

В обеих Эддах главой пантеона богов скандинавов называется Один, в то время как прочие сообщения современников считают таковым Тора. В частности, согласно Адаму Бременскому, главных богов у скандинавов было три. В центре парадного зала упсальского храма находился трон с идолом бога Тора, по сторонам от которого стояли идолы Одина (Водана) и Фрейра (Фрикко⁴⁵). В Эддах предпринимаются также прямые попытки высмеять и унижить Тора, как это происходит, например, в «Песне о Харбарде». Проиграв словесный спор, Тор признается во множественных грехах, одинаково мерзких как для христианина, так и для язычника. Одураченным и в неприглядном виде представлен Тор также в «Видении Гюльви». Кому-то, видимо, очень хотелось «продвинуть» Одина в главные боги скандинавского пантеона.

Известно, что Младшую Эдду (прозаическую, включающую учебник поэзии) написал исландец Снорри Стурлусон примерно в 1222–1225 гг. Автор Старшей Эдды (поэтической) считается неизвестным, а опубликована она только в 1260 г. Однако анализ Младшей Эдды показывает, что при ее написании Снорри использовал еще не обнаруженный на тот момент текст Старшей Эдды либо какой-то иной, очень близкий к ней по содержанию. Здесь не только повторяются сюжеты Старшей Эдды, но даже дословно цитируются фразы из ее первой песни – «Прорицания вёльвы». В этой связи требуется тщательная проверка Старшей Эдды на предмет ее написания все тем же Снорри Стурлусоном.

Забегая вперед и в некотором роде предопределяя результат предполагаемой экспертизы, прямо сейчас будем априори считать, что Старшая Эдда принадлежит перу все того же Снорри Стурлусона. Скорее всего, он планомерно разрабатывал и оттачивал данное произведение в течение всей своей жизни, но так и не успел его завершить и опубликовать.

В результате сегодня мы располагаем достаточно поздними знаниями о скандинавской мифологии, в изложении всего лишь одного человека, к тому же христианина.

То, что означенные тексты Эдд создал именно христианин, видно из того факта, что местами они целиком сверстаны по библейскому подобию. Когда Равновысокий говорит, что всеотец «создал небо, и землю, и воздух, и все, что к ним принадлежит», речь явно идет о христианском Боге. Это впечатление еще более усиливается, когда Третий дополняет ответ Равновысокого: «Всего важнее то, что он создал человека и дал ему душу, которая будет жить вечно и никогда не умрет, хоть тело и станет прахом или пеплом. И все люди, достойные и праведные, будут жить с ним в месте, что зовется Гимле (“Защита от огня”) или Вингольв (“Обитель блаженства”). А дурные пойдут в Хель (преисподняя), оттуда в Нифльхель – Туманную Хель (глубины преисподней). Это внизу, в девятом мире». Несмотря на скандинавские имена загробных обителей, здесь представлены, конечно же, христианские рай и ад (его девять кругов)⁴⁶.

Снорри, разумеется, знал, что скандинавы почитали Одина, Тора, Фрейра и других богов. Однако он умышленно старался представить их людьми, реальными историческими правителями прошлого, которые были просто настолько мудры, что оказались в состоянии внушить

⁴⁴ Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи: новые находки и интерпретация. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001. С. 15.

⁴⁵ Адам Бременский. Деяния архиепископов Гамбургской церкви. Кн. IV, 26 // Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники. М., 2011. С. 108.

⁴⁶ Первухин В. Мифы Древней Скандинавии. М., 2002. С. 69.

своим подданным веру в свои сверхъестественные способности. Иного от христианина не следовало и ожидать. Развивать тему языческих богов значило бы совершать прямой грех в рамках собственной религии. А вот рассказывать о простых смертных, коим люди по незнанию поклонялись, вполне себе возможное дело.

В целом Эдды представляют собой очень хорошие литературные произведения, но в качестве религиозной системы – эдакую смесь сюжетов, надерганных из нескольких мифологических систем, в том числе, видимо, и скандинавской, обильно сдобренных фантазией автора, и внутренне крайне противоречивую. К примеру, сначала указывается, что Тор является далеким предком Одина. Потом автор, видимо, забыв об этом, включает Тора в число заложников ванов, коих Один назначил жрецами-диями. Дважды и совершенно по-разному описывается здесь происхождение небесных светил. Видимо, Снорри довольно долго думал, но все никак не мог определиться, какой же из этих вариантов в конце концов предпочесть. И так далее.

Можно полагать, что система верований скандинавов к «эпохе викингов» все еще не обрела какой-то целостной формы (мифология Снорри Стурлусона не в счет). Как минимум, эта языческая религия требовала сильной вовлеченности паствы и множественных жертвоприношений (в том числе человеческих), но при этом не давала верующим гарантии потусторонней вечной жизни ни для них самих, ни для их близких. То есть не выполняла главной возложенной на нее задачи – снятия с людей стресса, что могло явиться одной из причин того самого внутреннего напряжения скандинавского общества, о котором уже говорилось выше.

В этой связи принятие в Скандинавии в X–XI вв. христианства в качестве основной религии может рассматриваться как явное благо. Приход сюда «готовой», достаточно хорошо проработанной религии, учитывающей человеческую психологию, обеспечил местным жителям гораздо более спокойную и комфортную жизнь.

Напоследок отметим одно довольно странное обстоятельство. Восточная Европа, и особенно Древняя Русь, практически не знали «эпохи викингов» с той неприглядной стороны, как это подробно описано латинскими хронистами. Почти нет ни масштабных набегов, ни зверств, ни грабежей городов. Отношения были в значительной степени мирными. Норманны нанимались на военную службу к местным князьям, торговали, занимались сельским хозяйством.

Даже само понятие «викинг» здесь отсутствовало. Вместо него хорошо известно другое слово: «варяг» (наемник). М. Фасмер связывал это слово с древнесеверным «*var*» – «клятва, присяга, договор, соглашение»⁴⁷

---

⁴⁷ Vasmer M. *Schriften zur slawischen Altertumskunde und Namenskunde*. Bd. II. Berlin, 1971, S. 819.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.